

Прошлое
попало в глаза?

Срочно
обратиться
к ведьме!

Магия и психология
Травы и яды
Алхимические реакции
Защита и ритуалы
Хроники венских ведьм

К. L. Nord

18+

K.L. Nord

**Прошлое попало в глаза?
Срочно обратиться к ведьме!**

«Автор»

2026

Nord K.

Прошлое попало в глаза? Срочно обратиться к ведьме! /
K. Nord — «Автор», 2026

Эйда Вейр хотела спокойно работать в лаборатории, спорить с подругой о ерунде и ещё пару десятилетий не менять документы. Для ведьмы старше трёхсот лет — вполне разумный план. Но у прошлого оказались другие планы. Однажды посреди Вены Эйда встречает мужчину, которого несколько веков назад собственноручно отправила на тот свет. Теперь он жив, носит другое имя, работает в обычном офисе и почему-то прекрасно помнит её. Вводные данные: один крайне неудобный мертвец, четыре ведьмы с очень разными характерами, подруга-прокурор без капли магии и древняя легенда, в которой явно кто-то забыл рассказать самое важное. Эйда собиралась всего лишь выяснить, почему прошлое внезапно решило вернуться. Кажется, придётся заодно разобраться, почему старые ведьминские тайны снова начали шевелиться, кому понадобился её ковен и почему самые неприятные проблемы всегда начинаются с людей, которые уверяют, что хотят помочь.

© Nord K., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Та, которую она убила	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

К.L. Nord

Прошлое попало в глаза? Срочно обратиться к ведьме!

Пролог. Та, которую она убила

Триста с лишним лет назад.

Кровь уже начинала подсыхать на пальцах.

Эйда заметила это не сразу. Она стояла возле стола, упершись в его край ладонью, и смотрела куда-то вниз, хотя давно перестала видеть то, что находилось у её ног. В маленьком доме было душно от растопленной печи, пахло горелым воском, мокрой шерстью и железом — слишком много железа для одной комнаты, слишком знакомый запах, чтобы обманывать себя насчёт его происхождения. За стенами гулял ветер. Он цеплялся за ставни, скрёб ветками по крыше и иногда так сильно толкал плохо подогнанную дверь, что дрожал огонёк единственной свечи.

Кровь на её правой руке была почти чёрной. Между пальцами ещё оставалась влажной, липкой, а на запястье уже стянула кожу тонкой коркой. Эйда машинально потёрла большой палец об указательный и тут же остановилась. Глупое движение. От него кровь только размазалась по коже, забилась под коротко остриженный ноготь и оставила тёмный след на краю деревянного стола.

Изольда лежала рядом.

На боку, чуть неловко подвернув одну руку под себя, будто собиралась прилечь всего на минуту и выбрала для этого совершенно неподходящее место. Тёмные волосы рассыпались по половицам волнами, в нескольких прядях застряли щепки. Юбка собралась у коленей, открывая носки домашних туфель, одна из которых наполовину соскользнула с пятки. Эйде почему-то хотелось поправить её. Натянуть туфлю, расправить платье, убрать волосы с лица — заняться любой мелочью, которую ещё можно было исправить.

Она не двигалась.

За последние минуты Эйда уже дважды проверила дыхание, хотя в первый раз всё поняла. Подносила пальцы к носу, потом прижимала их к шее, долго искала пульс там, где его больше не было. В третий раз делать это было бессмысленно. Изольда не станет живее от того, что Эйда снова положит руку на её кожу и будет считать секунды.

Всё закончилось. Именно этого она и добивалась.

От этой мысли внутри стало особенно мерзко. Эйда медленно опустилась на колени. Пол отозвался тихим скрипом, а разлитая кровь коснулась ткани платья у самого подола. Она не обратила внимания.

Дрожь в пальцах появилась ещё несколько минут назад, мелкая, почти незаметная, но теперь становилась сильнее. Эйда сжала ладонь в кулак и спрятала её в складках юбки, будто собственное тело можно было обмануть таким нехитрым способом.

Лицо Изольды оставалось спокойным.

Но Эйда помнила её другой. С закатанными по локоть рукавами, когда та умудрялась испачкать чернилами всё вокруг, кроме бумаги. С волосами, которые никогда толком не держались в причёске и через час после укладки снова лезли в глаза. Изольда могла несколько дней подряд спорить о каком-нибудь обрывке старой рукописи, а потом исчезнуть на месяц и при следующей встрече продолжить спор ровно с того слова, на котором остановилась, будто между ними не прошло ни дня. Она смеялась громко, запрокидывая голову, и совершенно не

умела скрывать любопытство. Стоило кому-нибудь сказать, что ей не нужно чего-то знать, — всё, можно было считать, что к утру она узнает.

Сейчас на её губах не осталось даже намёка на привычную улыбку.

Эйда протянула руку и убрала с её щеки прилипшую тёмную прядь. Кожа была ещё тёплой. От этого на мгновение показалось, что всё можно повернуть обратно, что достаточно подождать, позвать кого-нибудь, найти ещё один способ. Мысль была настолько подлой, что Эйда резко отдернула пальцы.

Способов больше не было. Или она просто не нашла их вовремя.

Снаружи раздался какой-то звук. Эйда вскинула голову. Ветер на секунду стих, и ночное поселение проступило за тонкими стенами дома отдельными шорохами: где-то хлопнула дверь, залаяла собака, возле дальней улицы кто-то крикнул, чтобы её заткнули. До полуночи было ещё далеко, но люди здесь привыкли ложиться вместе с темнотой. В нескольких соседних домах горели огни, возле часовни наверняка ещё оставался сторож, а за ней, выше по склону, тянулась старая каменная ограда кладбища.

Ничего необычного, но Эйда всё равно прислушалась. Она привыкла доверять не ощущениям, а тому, что можно проверить. Доска трескается там, где волокна уже повреждены. Металл ломается по линии напряжения. Камень кажется вечным только человеку, который не умеет видеть, как вода годами выедает внутри него пустоты. У всего существовала причина. У звука шагов тоже.

Теперь она их услышала: кто-то бежал. Не по дороге — срезал через дворы. Шаги то падали в размокшей земле, то гремели по доскам мостков, перекинутых через канавы. Один раз человек едва не упал: послышался короткий удар, тяжёлое дыхание, ругань сквозь зубы. Потом снова бег.

Эйда закрыла глаза.

Она знала эти шаги.

Несколько мгновений ещё сидела возле Изольды, будто от того, поднимется она сейчас или через минуту, что-нибудь изменится. Потом всё же встала. Колени не сразу послушались, подол платья тяжело потянул вниз, пропитавшись кровью. Эйда расправила ткань, посмотрела на красное пятно и только теперь осознала, что увидит тот, кто войдёт сюда следом.

Надо было уйти раньше.

Надо было уйти сразу.

Но она осталась.

Дверь распахнулась с таким грохотом, что свеча погасла. В комнату вместе с холодом ворвался Элиас. Несколько мгновений он ничего не видел после улицы, остановился на пороге и судорожно хватал воздух, придерживаясь рукой за косяк. На нём не было плаща. Только рубашка, кое-как заправленная в тёмные штаны, кожаный жилет и сапоги, испачканные грязью почти до колен. Свет от печи выхватил растрёпанные светло-каштановые волосы, мокрые виски и совсем молодое лицо, на котором ещё оставалось раздражение человека, слишком долго кого-то ищущего.

— Изольда? — позвал он, едва отдышавшись, и шагнул внутрь, всматриваясь в полумрак. — Я весь дом обошёл. Ты хоть представляешь...

Он замолчал.

Эйда видела, как это произошло. Не мгновенно. Сначала взгляд Элиаса нашёл её — стоящую посреди комнаты, молчаливую, с опущенными руками. Потом скользнул по её пальцам, испачканным в крои. Ниже, к тёмному пятну на платье. И только потом — к полу.

Человек редко понимает смерть сразу.

Элиас тоже не понял. Он смотрел на сестру несколько долгих секунд, будто разум отказывался собрать увиденное в единственную очевидную картину. Потом быстро подошёл, почти

оттолкнув Эйду плечом, и упал рядом с Изольдой на колени. Его ладонь легла ей на щеку. Вторая рука тут же нашла плечо и осторожно его встряхнула.

— Изольда, — позвал он уже тише. — Эй. Слышишь меня?

Ответить было некому.

Элиас потряс сестру сильнее. Нахмурился, склонился почти к самому её лицу, приложил пальцы к шее точно туда же, куда несколько минут назад клала свои Эйда. Будто у них обоих могла быть разная смерть. Будто под его пальцами сердце вдруг решит биться только потому, что он брат и имеет больше прав требовать от него жизни.

Эйда отвела взгляд.

Лучше бы он кричал, но Элиас молчал. Прижимал пальцы к шее сестры, перестав даже дышать, и ждал. Потом переставил их чуть выше. Ниже. Снова выше. Его рука дрогнула.

— Нет, — выговорил он совсем тихо и наклонился над Изольдой, прижав ухо к её груди. — Нет. Нет, стой.

Он зачем-то потёр ладонью её грудь, словно мог разогнать замершую внутри кровь. Потом резко поднял голову, посмотрел на лицо сестры и наконец заметил её глаза.

Они оставались открытыми.

Эйда видела их ещё до его прихода. Видела и старательно туда не смотрела.

Сейчас пришлось.

Когда Изольда была жива, в её глазах никогда не отражалось обычное человеческое лицо Эйды. На его месте возникало что-то другое — прозрачная фигура, собранная из линий, граней и множества переплетённых структур, которые двигались при каждом изменении света. Изольда когда-то смеялась, что Эйда выглядит там так, будто мастер-стеклодув решил собрать женщину из минералов и почему-то не смог вовремя остановиться. Теперь в тёмно-синих глазах Изольды отражалась Эйда. Просто Эйда. Бледное лицо. Волосы, выбившиеся из косы. Тёмное пятно на щеке, которое она даже не заметила раньше. Живая женщина в нескольких шагах от мёртвой.

Ничего больше.

Эйда смотрела на своё отражение, пока Элиас не провёл ладонью по лицу сестры и не опустил ей веки.

Тогда всё исчезло.

Он остался сидеть, склонив голову. Плечи поднялись на вдохе и долго не опускались, будто воздух застрял где-то внутри. Эйда знала его много лет и никогда не видела настолько неподвижным. Даже в детстве Элиас не умел долго оставаться на месте: чинил что-то во дворе, точил нож, спорил с отцом, таскался за сестрой туда, куда той одной ходить запрещали. Он всегда находился рядом с Изольдой — иногда слишком близко, по её мнению, иногда ровно там, где ей хотелось.

Сегодня его не было. Эйда знала почему. Знала всё, что могло заполнить тишину между ними.

Несколько слов уже поднялись к горлу. Они были простыми. Возможно, даже достаточными для начала. Эйда могла произнести их сейчас, пока Элиас сидел перед ней, ещё не понимая, что именно случилось. Рассказать хотя бы часть. Отдать ему ту правду, которая принадлежала уже не ей.

Вместо этого она вспомнила последний взгляд Изольды и последнее обещание.

Элиас медленно поднялся. На его ладонях тоже осталась кровь. Он заметил её не сразу, перевернул руки, посмотрел на красные разводы на коже и почему-то начал вытирать их о штаны. Один раз. Второй. Третий. Кровь только размазывалась.

Потом он посмотрел на Эйду. В его карих глазах она увидела собственное человеческое лицо. Не дар, не то, чем её могли увидеть только такие, как она. Просто женщину, стоящую рядом с мёртвой сестрой, с кровью на руках и платье.

Элиас тоже видел только это. От осознания внутри стало особенно холодно.

— Что ты сделала? — спросил он.

Голос оказался спокойнее, чем Эйда ожидала. Ни крика, ни истерики. Только слова, произнесённые так тихо, что треск дерева в печи почти их заглушил. Элиас смотрел сначала ей в лицо, потом на руки и снова в лицо, будто ждал, что одна из этих деталей вдруг изменится и даст другой ответ.

Эйда открыла рот. Она могла сказать правду. Не всю. Хотя бы ту её часть, которой хватило бы, чтобы он не смотрел на неё сейчас так. Можно было объяснить, откуда взялась кровь. Можно было назвать людей, поступки, ошибки. Можно было рассказать о том, что происходило последние месяцы, почему Изольда всё чаще исчезала, почему сама Эйда почти перестала спать.

Можно было. Но дальше следует ещё один вопрос. Потом следующий. И рано или поздно Элиас дойдёт до того, что Изольда не хотела оставлять ему.

Эйда слишком хорошо его знала. Знала, как он смотрел на сестру, будто в ней одной никогда не могло быть ошибки. Как защищал её даже тогда, когда защита не требовалась. Как легко прощал ей то, за что другого человека вышвырнул бы из дома. Эта правда раздавит его сейчас, решила Эйда. Сделает с ним что-нибудь такое, чего Изольда боялась настолько сильно, чтобы попросить о молчании.

Решение заняло несколько секунд и принадлежало только Эйде.

Она сглотнула слова, которые уже почти произнесла, и вытерла ладонь о бок платья. Тёмная ткань приняла ещё один след, будто одного было мало. Элиас ждал, не отрывая от неё глаз, и в этом ожидании ещё оставалась возможность всё сделать иначе.

— То, что должна была, — ответила Эйда.

Она сразу поняла, насколько плохо прозвучали эти слова.

Лицо Элиаса изменилось не резко. Сначала исчезло ожидание. Потом как будто опустело всё остальное. Эйда успела заметить, как его взгляд скользнул к сестре, задержался на ней и вернулся назад уже другим.

Он ударил её. Эйда не ожидала кулака и потому пропустила первый выпад. Голова дёрнулась в сторону, во рту мгновенно появился вкус крови, а плечо врезалось в край стола. Посуда подпрыгнула, одна деревянная миска упала и закрутилась по полу. Элиас шагнул следом, схватил её за ворот платья и толкнул так сильно, что ткань впилась в шею.

— Должна была? — переспросил он, и вот теперь спокойствия в голосе не осталось. Он дышал ей в лицо, держал обеими руками и будто всё ещё ждал другого ответа. — Ты её убила и говоришь мне, что должна была?

Эйда могла освободиться сразу, но не сделала этого. Боль в разбитой губе была почти приятной своей простотой. Понятной. Здесь существовала причина, существовало следствие, и не требовалось выбирать между чужими обещаниями. Элиас снова толкнул её, прижав спиной к стене, и деревянная доска болезненно ударила между лопаток.

— Ответь мне! — Его пальцы сжались сильнее, а глаза блеснули слишком близко от её лица. — Что она тебе сделала? Что такого она могла сделать тебе, чтобы ты...

Голос сломался. Элиас отпустил одну руку.

На короткое мгновение Эйда решила, что он остановился, но потом увидела нож.

Он всегда носил его справа, под жилетом. Изольда насмехалась над братом за эту привычку, говорила, что тот скоро начнёт приходить с оружием даже к обеду. Элиас отвечал, что кто-то в их семье должен обладать здравым смыслом.

Сейчас нож оказался у её горла.

Эйда поймала его запястье прежде, чем лезвие коснулось кожи. Элиас был сильнее, чем она помнила. Или просто сейчас в нём не осталось ничего, кроме желания довести движение до конца. Он навалился всем весом, металл медленно приблизился к шее.

— Элиас, — впервые позвала его Эйда, удерживая руку обеими ладонями. — Не надо.

— Не смей говорить мне, чего не надо делать, — выдохнул он и рванул кисть вниз, пытаясь освободиться. Нож прошёл рядом с её плечом, вспорол рукав, и ткань тут же потемнела от крови. — Ты стоишь рядом с моей сестрой и всё ещё думаешь, что можешь мне что-то запрещать?

Он снова замахнулся. На этот раз Эйда отступила. Лезвие со свистом разрезало воздух и ударилось о край стола.

На металле давно существовала небольшая трещина — тонкая, почти невидимая возле основания, там, где кузнец неравномерно проковал железо. Эйда заметила её ещё много лет назад и однажды сказала Элиасу заменить нож. Он, конечно, не заменил. Теперь ей хватило прикоснуться двумя пальцами к плоской стороне клинка: металл отозвался привычно — не голосом, не светом, а тем особенным ощущением, которое Эйда никогда не умела толком объяснить другим. Словно вещь сама показывала, где ей больно. Где связи держатся хуже. Где достаточно малого усилия, чтобы целое перестало быть целым.

Эйда надавила — и по стали пробежала трещина. Нож переломился с сухим звоном.

Элиас замер, уставившись на короткий обломок в руке. Эйде хватило этого мгновения, чтобы толкнуть его в грудь и отойти к двери. В пальцах уже начиналась знакомая дрожь, на языке появился неприятный металлический привкус, будто она облизнула монету.

— Что ты... — Элиас посмотрел на сломанное лезвие, потом снова на неё и швырнул рукоять на пол. — Нет. Нет, ты никуда не уйдёшь.

Он двинулся следом.

Эйда могла снова использовать силу. Под ногами было старое дерево, за спиной — железная петля двери, в стенах десятки слабых мест, которые она чувствовала даже сейчас. Можно было заставить пол провалиться под ногой Элиаса или вырвать крепление из косяка, ударить дверь, сломать ему руку.

Она не стала. Просто вышла наружу.

Холод ударил в разбитую губу и заставил втянуть воздух сквозь зубы. Ночь за то время, что Эйда провела внутри, стала ещё темнее. Облака закрыли почти весь месяц, между домами лежали длинные чёрные провалы, а на мокрой дороге светилося одно-единственное окно соседней хижины.

За спиной хлопнула дверь. Элиас догнал её возле забора. Схватил за плечо, развернул, и Эйда едва успела убрать голову от второго удара. Его кулак скользнул по виску. Она перехватила руку, на этот раз уже не позволила ему вырваться и резко завернула за спину.

Элиас зашипел от боли.

— Отпусти меня!

Эйда держала его ещё несколько секунд, чувствуя, как он рвётся вперёд. Она могла бы сказать что-нибудь сейчас. Хоть одно предложение, которое остановит это безумие. Из дома через раскрытую дверь падала узкая полоса света, и в ней было видно тело Изольды, край платья, одну неподвижную руку.

Эйда отпустила. Элиас тут же отшатнулся от неё и снова повернулся к дому. Будто сестра всё ещё могла исчезнуть, если он хоть на минуту потеряет её из виду. Эта короткая растерянность дала Эйде несколько шагов.

— Я найду тебя, — донёсся его голос ей вслед.

Она остановилась. Не потому что испугалась, просто услышала в этих словах что-то такое, чего раньше в Элиасе не было.

Он стоял посреди дороги под начинающимся мелким дождём. Рука висела вдоль тела после неудачного захвата, рубашка была испачкана кровью сестры. Молодой мужчина, которого Эйда знала почти столько же, сколько Изольду, смотрел на неё так, будто за несколько

минут между ними выросла стена, через которую теперь нельзя было ни пройти, ни докричаться.

— Ты мне расскажешь, — произнёс Элиас уже тише. Он не приближался, но в спокойствии, вернувшись в его голос, было куда больше угрозы, чем в ноже. — Я узнаю, зачем ты это сделала. А потом найду тебя.

Эйда ничего не ответила, потому что даже сейчас, услышав это обещание, всё ещё считала своё решение правильным.

Изольда доверила ей последнюю тайну. Элиас переживёт незнание. Переживёт ненависть. Возможно, однажды поймёт, что некоторые вещи лучше оставить вместе с мёртвыми.

Эйда решила это за него так же легко, как совсем недавно решила многое другое. Она развернулась и пошла прочь.

Дождь усилился, быстро превращая дорогу в тёмную грязь. Кровь на руках размокла и потекла по пальцам тонкими розовыми полосами. Эйда тёрла ладони друг о друга, пока шла между спящими домами, но избавиться от неё не получалось. Чем сильнее она пыталась отмыть кожу дождевой водой, тем отчётливее казалось, что запах железа всё ещё держится вокруг.

Через несколько десятков шагов за спиной раздался крик.

Элиас.

Не её имя.

Изольдино.

Он звал сестру так, будто та могла услышать.

Эйда не обернулась.

К утру дождь смывает кровь с дороги, решила она. С рук тоже. Платье придётся сжечь, но это было уже мелочью. Дом останется за спиной, поселение закончится через несколько минут, а потом начнётся дорога, где можно будет наконец подумать, что делать дальше.

Так она и ушла, оставив Элиаса возле мёртвой сестры и забрав с собой единственное объяснение, которое могло изменить всё.

В доме тем временем снова стало тихо. Ветер медленно качнул незапертую дверь, пламя свечи давно погасло, а из печи на пол падал слабый красноватый свет. Кровь возле тела Изольды уже добралась до щелей между досок и начала исчезать в сухом дереве.

Большая её часть и правда уходила вниз, но одна тонкая полоска отделилась от общей лужи, прошла вдоль трещины в половице и выбралась к самому порогу. Там, где доски чуть поднимались вверх, кровь должна была остановиться.

Но не остановилась.

Медленно, почти незаметно, тёмная капля поползла против уклона — к двери, дальше к мокрой земле и старой тропе, уходившей за часовню.

Туда, где за низкой каменной стеной лежало кладбище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.